

Моя студенческая жизнь

Летом 1948 года я сдала экзамены в МВТУ. Сначала думала поступать на органическую химию (видно, мамина профессия на меня действовала) в Менделеевский институт, но он на меня не произвёл впечатления. Остановилась на Бауманском: во-первых, рядом с домом, во-вторых, мама тоже училась в МВТУ. Подготовка по математике была приличная, благодаря придиристости Таисии Афанасьевны ([учительница математики в школе](#)), и профессия инженера была в те времена престижна. Сдала экзамены на факультет «Приборостроение», называвшийся почему-то А-3 (тогда всё зашифровывалось).

Первые три года учёбы считаются трудными, особенно первый год. Очень много чертёжной работы, надо было все задания сдавать в срок, иначе был бы сплошной завал. Был и у меня трагический случай. По черчению надо было сдать первый лист с графическим шрифтом, обведённым тушью. Лист у меня уже был готов в карандаше, и я уже половину обвела тушью. В это время наш любимый братец - сорванец (ему был один год с небольшим) взял свой ботинок и запустил его точно во флакон с тушью и залил весь лист. Я потеряла дар речи и не могла сообразить, что же мне делать. Лиля бросилась на Сашку, шлёпать его. Он в рёв, я реву. Пришлось успокоиться, и за вечер и ночь я заново нарисовала все буквы (почему-то второй раз всё шло быстрее). Утром поехала в институт, и там уже в туши закончила лист и успела сдать его вовремя. Первый семестр у меня остался, как в тумане: учёба, лекции, семинары, задания. Знакомство с сокурсниками. Со мной вместе в группе оказалась Надя Романова, которая жила рядом в соседнем корпусе. Она закончила школу на год раньше, в МВТУ она не училась, а играла в баскетбольной команде. Через год решила поступать. Мы с ней встретились в группе и подружились. Вот уже 62 года как мы продолжаем, по возможности, встречаться. Когда благополучно сдали экзамены за первый семестр, появилась надежда, что учиться в МВТУ можно.

Уже во время второго семестра я заметила, что, кроме учебы, в МВТУ есть и другая жизнь. Проходя вечером мимо актового зала и первой аудитории, я слышала звуки хорового пения. Кроме меня в группе оказались ещё любительницы пения — Галя Мячина, Ира Калязина и Гера Турчанович.

Вскоре мы стали участниками хора. Руководил хором, в основном, старший брат композитора Исаака Осиповича Дунаевского – Борис Осипович.

Я пела в хоре с 1949 по 1953 г. Самых постоянных и крепких хористов было человек 20-30. Иногда в хоре выступало около 60-ти человек. О том, как мы проводили время, можно было бы написать много. Мы вместе катались на катке, отмечали праздники, летом ездили на пляж купаться, после репетиций нам не хотелось расходиться, шли по улице к метро и всё ещё пели (я откалывалась от компании раньше всех, так как мне к метро не надо было идти, о чём я жалела). В наше студенческое время с фотоаппаратами было туго, редко у кого были камеры, да и умельцев было немного, поэтому фотографий того периода у меня сохранилось мало и весьма плохого качества, но всё же есть.

Большую роль в создании коллектива играл, конечно, Борис Осипович. Замечательный хормейстер, увлечённый человек, он прекрасно находил с нами язык, хотя в три раза был старше нас. У него в хоре все были «любимчики». Однажды, у нас зашёл разговор о том, как мы достаём билеты в Большой Театр: встаём в кассу у метро Охотный Ряд с вечера, стоим всю ночь подпрыгивая, но зато покупаем билеты сразу на два или три спектакля, так как билеты продавались, кажется, на 10 дней.

Как-то на зимние каникулы он мне принёс два билета в Большой, в 1-ю ложу бенуара с левой стороны на балет «Красный Мак». Мы билеты покупали подешевле, повыше да подальше, а с Надей пришли в театр и ахнули: сидим над самой сценой. Вот откуда надо балеты смотреть! Ну и цена у билетов была раз в пять дороже.

Второй курс тоже не был лёгким, и особенно отвлекаться от учёбы было невозможно. И всё же на репетиции хора мы ходили, так как там было очень интересно.

В этот учебный год у нас были всякие мастерские: сварка, кузнечные, слесарные, модельные, поэтому летом 1950 года нас послали на практику в город Горький (теперь опять Нижний Новгород) на горьковский автозавод «ГАЗ». На практике мы познакомились поближе не только с ребятами нашего факультета, но и с ребятами с МТ (механико-технологического). По вечерам мы собирались в комнатах заводского общежития, где жили в основном все студенты. Нас с Надей поселили почему-то в квартире у одной женщины, что было не очень удобно для наших поклонников. Однажды мы в окно увидели, что в гости к нам идёт наш сокурсник и попросили хозяйку сказать, что нас

нет дома. Она так и сделала, а нас потом отругала, так как он пришёл с огромным пакетом черешни. Конечно мы с Надей очень пожалели, так как сами мы такие ягоды не покупали. Вечера мы проводили в общежитии, в весёлой студенческой компании, куда к нам приходили и заводские комсомольцы.

Круг знакомых у меня увеличился. Даже какой-то концерт провели, судя по существующей фотографии.

Очень сблизилась мы с Галей Кузнецовой (Костиной), с которой стали самыми близкими подругами на всю жизнь. Вечера проводили очень весело и, конечно, много пели. Познакомилась я с Энрико Гини (он был с МТ – литейщиком) и он меня тут же стал уговаривать прийти в МВТУ в агитбригаду.

По возвращении в Москву, осенью я попала к ним на репетицию и, естественно, осталась в этом интересном, дружном коллективе. О жизни в агитбригаде можно всё узнать из книги, которую ребята выпустили в 2006 году. Попала я в агитбригаду почти с самого начала. Первая моя поездка в Волоколамский район была на зимние каникулы 1951 года и было нас всего 9 человек.

Воспоминаний о той поре — множество, всё не опишешь. Прочитав книгу, которую мне Энрико прислал, я вспомнила эпизод, как мы топали по занесённой снегом дороге, после утреннего выступления, к деревне Афанасово, где должны были выступать вечером. Колхоз прислал одну лошадь, на телегу которой удалось нагрузить только музыкальные инструменты и костюмы, а самим в темноте (ведь в феврале темнеет рано) топтать неизвестно куда. В те времена у нас меховых сапог не бывало, да и валенок у меня не было, а были «чуни». Это сшитые из ткани и ваты, простёганная в виде валенок обувь, на которые я надевала галоши. Ноги на косточках от галош натёрлись ужасно. Идём. Никаких огоньков нигде не видно. Ползу, себя уговариваю: Зоя Космодемьянская не такое терпела, должна и я вытерпеть! Рядом идёт Володя Сипягин и морально поддерживает меня – скоро деревня появится. И она действительно наконец-то появилась. Были мы вознаграждены за наши мучения. Хозяйка избы, где мы остановились, дала нам горячего топлёного молока с коричневой корочкой из русской печки с кусками сахара. Ничего вкуснее, мне кажется, я не ела! Силы появились, и мы пошли в деревенский клуб выступать.

Во время наших выступлений часто бывали всякие комические случаи. Однажды, во время доклада Гини о современном положении, на сцену вышла дворняга и стала смотреть, что происходит на сцене. Началась хоровая композиция, в которой участвовали все бригадники, а она сидит с открытым ртом и никуда не уходит. Все зрители и мы не можем удержаться от смеха. Хотя я в бригаде была в роли певицы, но необходимо было и ещё что-то делать. Из меня решили сделать артистку комедийного жанра. У ребят с собой была маленькая книжонка скетчей из репертуара Мироновой и Менакер, их мы и использовали. Смысл скетча: скандальная мамаша приходит в школу к директору и втолковывает ему, какой у неё необыкновенный сын. Ребята мне говорят: давай мы собаку привяжем на ремень и ты с ней придёшь к директору. Хохот такой поднялся за сценой, что успокаиваться нам пришлось долго, а я ещё и на сцене всё всхлипывала. А мой первый выход на сцену в роли клиентки фотоателье был катастрофическим. Я у фотографа ищу свою карточку и успокаиваюсь только тогда, когда он мне даёт фото Любви Орловой. Я так под конец хохотала со слезами и всхлипами, что зрители решили, что я плачу. Потом после концерта один дядечка пришёл и стал меня хвалить, какая я хорошая артистка, так здорово рыдала. Вообще выступать перед таким зрителем было очень приятно. Ведь тогда люди в деревнях не видели живых исполнителей, изредка кино, да радио; не были избалованы. Когда я пела русские песни или современные песни о деревне, видела лица людей, которые слушали текст и вместе со мной переживали.

В одной из летних поездок мы должны были выступать в селе, где была ткацкая фабрика и приличный, по тем понятиям, клуб. И вдруг видим афишу о выступлении артистов Большого Театра. Мы в шоке - а что мы тут будем делать? Тут же выяснилось, что это нас так рекламировали. Страху всё равно было много: как бы не провалиться. Пела, помню, в этот раз песню «Ну, звончей, звончей бубенчики, заливные голоса». Наши «домры-балалайки» звучали здорово, и песня у меня получилась звонкая. И опять после концерта какой-то мужичок, слегка навеселе, высказался: «Ну, девка поёт! Я Барсову слышал, а эта ещё лучше».

Летом 1951 года в августе мы посещали деревню за деревней и приехали в село Теряево, где был разрушенный монастырь с церковью. Первый раз я прочувствовала неопишемую красоту русского зодчества. Монастырь стоял на берегу озера и полностью отражался в зеркальной глади воды. Как я жалела, что у нас не было фотоаппарата и не было возможности запечатлеть эту красоту!

Однажды мы после концерта ночевали в стогу сена, зарывшись в него так, что торчали лишь мордочки. Ночь была прохладная, полнолуние. Зарылись во всей одежде, какая у нас была, и смотрим на луну, которая висит прямо перед нами. Настроение лирическое. Рядом со мной закопались в сене Лёва Буданов и Марк Гинзбург – авторы марша агитбригады МВТУ. Сочиняют последний куплет:

«Куда бы нас отчизна не послала,
Везде мы будем первыми в труде
И знания, что училище нам дало....»

Я девушка была комсомолистая, и поэтому у меня тут же вылетела фраза:

«...Отдать готовы, Родина – тебе!».

Так я приняла участие в создании, как я считала «гимна», а ребята считают маршем. Мне кажется, что в эту ночь марш был закончен. Мне два раза удалось побывать на встречах агитбригадников в 1978 г. и 2002 г. (иногда мы с Юрой ([мужем, тоже бауманцем, Георгием Георгиевичем Лебяжьевым](#)) жили за рубежом, а иногда они не могли меня найти). Эти встречи всегда возвращают нас в юность!

Встреча 2002 г. в МВТУ была многочисленной. Присутствовали несколько поколений бригадников, но были и самые-самые старички: Энрико и Дина Гини, Лёша Ильин, Боря Бунин, Валя Мареева, Галя Шилкина, Марат Габасов и другие. И все дружно под сводами местного кафе грянули этот марш. Как оказалось, он все годы сопровождал агитбригаду.

Вспомнила ещё интересный факт, как мы эксплуатировали анкетные данные Энрико. Однажды нам из МВТУ не прислали транспорт (комитет комсомола забыл). Концерты мы закончили, надо возвращаться, а денег на билеты у нас нет. Сели в вагон без билетов. Женщина-контролёр тут как тут. Гини с паспортом выдвигаем вперёд. Паспорт у него особенный: папа итальянец, родился в Париже, живёт в Москве. Обычно проверяющий начинает выяснять, что это такое, и нам всё прощают. Но в этот раз нам не повезло. Женщина попалась серьёзная, Париж на неё не произвёл впечатления, и МВТУ, кажется, пришлось уплатить штраф за нашу поездку.

Все годы учёбы я не бросала ходить на репетиции и выступления хора. Подобралась большая группа любителей не только петь, но и сходить на каток, съездить на пляж, сходить в летний поход по Подмосковью. Однажды отмечали Октябрьский праздник у меня в квартире, в другой раз – у Вилена

Лаврищева справляли Новый год в загородном доме (желающих было много). Саша Данилов был яхтсменом и приглашал нас пробовать свои силы на яхтах. Так увлѣк некоторых, что Галя Мячина и Ира Калязина стали яхтсменками, а хор бросили. Вместе с Борисом Осиповичем летом что-то справляли на даче у Толи Гарбарчика. Однажды тѣтя Фрося ([приятельница родителей](#)) на майские праздники пригласила меня с хористами на дачу в поселок «Правду». За длинным деревянным столом, на лоне природы, мы пели все наши любимые песни и конечно «Реве тай стогне Днипр широкий», чем добились тѣтю Фросю, которая прослезилась и просила нас приезжать к ней на дачу почаще. Мы были очень культурными гостями, никогда никаких ЧП у нас не было, поэтому родственники всегда нас приглашали ещё и ещё.

Следующим нашим увлечением на старших курсах было участие в туристических походах, к которым меня привлекла Галя Кузнецова (Костина). Пока я ездила на зимних каникулах с агитбригадой, она от спортклуба ездила в лыжные походы по Подмоскovie и в Карелию с ребятами со своего факультета МТ. В мае 1952 года она затащила меня в группу, собирающуюся в поход по Дагестану и Грузии.

На третьем курсе мы уже себя чувствовали уверенно. Я «пела и плясала», Надя трудилась в баскетбольной команде МВТУ. По вечерам в спортивном зале шли соревнования. Я в это время сижу на лабораторных по металловедению. Вдруг прибегает Надя: в команде не явился один игрок! Срочно нужно выручать. Бежим в спортзал, на меня напяливают чью-то форму, и выпускают на поле со словами: бегай и никому не мешайся под ногами! Что я и делала очень старательно, пока не появилась настоящая баскетболистка, а я побежала доделывать лабораторку.

На четвёртом курсе у нас было распределение по специальностям. Мы с Надей должны были заниматься *технологией приборостроения*, которая нам казалась интересной специальностью. Но в МВТУ уже в те времена *отношение* к технологии было, мягко сказать, *не серьёзное* (такое отношение к технологии сказывается *до сих пор*). И к пятому курсу произошли изменения: **появилась новая модная специальность: «Электронные вычислительные машины» (ЭВМ).** На эту специальность перевели студентов с разных факультетов и нас, несколько человек с приборостроения, уничтожив группу технологии. Пятый курс пришлось заниматься очень напряжѣнно, так как предметы были совсем новые и абстрактные, в основном *структура ЭВМ из*

квадратиков. И преподаватели ещё не были в этих предметах крупными знатоками.

С сентября 1953 года у нас началась преддипломная практика и диплом. Несмотря на то, что мы считались группой ЭВМ, дипломную работу нам всё равно дали по точной механике. Мне достался «Механический интегратор», что было у Нади, не помню. В марте 1954 г. мы защитили свои дипломы, получили документы об окончании МВТУ и отправились трудиться по распределению в разные НИИ.